

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2021. Том 25, № 3
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

ББК 81

DOI 10.18522/1995-0640-2021-3-61-73

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ КОНФЛИКТОГЕННОСТИ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ РОДА И ЧИСЛА

Л.А. Брусенская

Ростовский государственный экономический университет,
Ростов-на-Дону, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО в рамках научного проекта № 21-512-07002

Аннотация. Статья написана на пересечении двух далеко отстоящих друг от друга исследовательских парадигм – экспрессивной грамматики и лингво-конфликтологии. Коммуникативный конфликт продуцируется не только заведомыми конфликтогенами типа инвектив и обсценизмов, но также менее яркими и определенными средствами, в числе которых оказываются и грамматические формы разной степени нормативности. Термины «конфликтосодержащий», «конфликтогенный» могут быть распространены и на отдельные грамматические формы.

Ключевые слова: конфликтная коммуникация, интерпретация языковых единиц, морфологические формы, категория грамматического рода, категория числа.

Введение

Категория конфликтной коммуникации в последние годы стала привлекать пристальное исследовательское внимание (см.: [Alba-Juez, Larina, 2018; Балясникова, Уфимцева, 2020; Баранов, Ерохина, 2019; Kulikova, Kuznetsova, Guk, 2019; Левонтина, 2020] и мн. др.). Тем не менее, эта категория требует более детального исследования для выявления универсальных и специфичных характеристик, поскольку отмечается «рост темы конфликта в общественном сознании» и актуализация «симптоматики конфликтогенеза» [Хроменков, 2016, с. 319].

По мысли Е.С. Кара-Мурзы, «речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими – негативными – средствами языка и речи» [Кара-Мурза, 2020, с. 19].

Коммуникативный (лингвистический, вербальный) конфликт – общее наименование, включающее в себя языковую агрессию и языковой экстремизм (Kulikova, Kuznetsova, Kolesnikov, 2018; Kulikova, Kuznetsova,

Guk, 2019), некорректные стратегии и тактики убеждения (суггестию и манипулятивные приемы), деструктивные приемы коммуникации (троллинг, флейминг и под.), так называемые «вербальные преступления» – оговор, клевета, оскорбление. Оскорбительное звучание высказыванию могут придавать не только лексические единицы, но и грамматические формы, в частности – морфологические формы рода и числа. Исследование таких форм значимо для одного из прикладных аспектов лингвоконфликтологии – прогнозирования возникновения конфликтов.

Актуальность обозначенной проблемы определяется многими факторами. Для гармонизации публичного коммуникативного пространства чрезвычайно важна разработка методологического конструкта измерения вербальных конфликтов и методики прогностического моделирования когнитивных структур конфликтной коммуникации. В связи с этим важен анализ конкретных единиц лексикона и грамматики, способных стать источником коммуникативного конфликта. Область грамматики в этом аспекте мало исследована. На новом уровне развития лингвистики – в ее когнитивной и антропоцентрической парадигмах – перспективно возвращение к таким традиционным объектам лингвистики, как грамматические формы, которые могут быть осмыслены в качестве конститuentов текста, порождающих его конфликтогенность. Обычно морфологические формы (даже в случае категорий с семантической, а не структурной доминантой) расцениваются как имеющие зависимое и второстепенное значение для общего смысла текста. Между тем, они способны участвовать в экспликации важнейших семантических и прагматических параметров высказывания. Заложенные в потенции грамматических словоформ, они трансформируются, обретают новые приращения и могут даже формировать конфликтное звучание, что показано в статье на материале грамматических категорий рода и числа.

Методы анализа. Для исследования языкового материала применен подход филологической герменевтики с подчеркнутой установкой на истолкование, объяснение, поскольку анализ конфликтогенности грамматических форм имеет интерпретационный смысл (причем принята методологическая установка на «неединственность» интерпретаций). Был также использован когнитивный и контекстуальный лингвопрагматический анализ языковых единиц.

Цель работы состоит в том, чтобы определить глубинные закономерности, предопределяющие возможности именных морфологических категорий формировать содержательную структуру текста в целом и его конфликтогенную составляющую в частности.

Именная категория рода

Род существительных в европейских языках Э. Сепир рассматривал как архаический концепт, объясняемый «догмами бессознательного» и поддерживаемый исключительно «инертностью» грамматической формы [Сепир, 1993, с. 77 – 78]. Однако в трудах многих выдающихся грамматистов, начиная с А.А. Потебни, было доказано иное, а именно:

род в большинстве современных европейских языков – это живая, продуктивная категория и источник многих тонких семантических и прагматических эффектов (ср., например, олицетворения на основе грамматического рода). В семантической палитре категории рода присутствуют заведомые пейоративы (формы женского рода применительно к мужчинам) и контекстуальные пейоративы (к которым могут быть отнесены феминитивы) [Акау, Kulikova, Belayeva 2020]. Рассмотрим подробнее особенности прагматического содержания современных феминитивов в русском языке в аспекте их возможностей передавать разную степень пейоративности, уничижительности и оскорбительности, а значит – быть источником коммуникативного конфликта.

Феминитивы наглядно показывают специфику деривационной системы русского языка. Наряду с нейтральными номинациями типа *учительница*, есть те, за которыми прочно закрепилась уничижительная коннотация (*врачиха*). В академической «Русской грамматике» [1980, с. 467] содержится указание на прогнозируемые негативные прагматические, стилистические, а следовательно, и коммуникативные характеристики данной лексемы (при этом дается ссылка еще на А.Т. Твардовского). К сожалению, и спустя полвека после этого наблюдения так и не появились словари, где была бы зафиксирована прагматическая информация такого типа (а она, как видим, оказалась достаточно стабильной). В лучшем случае феминитивы снабжаются стилистическими пометами, относящими их к разговорному стилю или к области просторечия – в тех словарях, где помета «простореч.» сохраняется (в большинстве современных толковых словарей эта помета редуцирована, вследствие чего стерлась грань между коллоквиальностью и простонародностью; ср. современные пометы типа сниж.-разг., нар.-разг. и trad.-нар.).

Даже специальный словарь наименований женщин [Колесников, 2002] прагматической информации не дает. Между тем, теоретическая база для таких характеристик имеется. Еще в работах 60-70-х гг. (Е.А. Земской и др.) морфема *-их(а)* определялась как стилистически маркированная, что влияло и на характеристики лексем в целом. Так как данная морфема практически всегда находится в сильной позиции, ее негативная экспрессивность актуализируется.

Пейоративность суффикса *-их(а)* объясняется этимологически: со времен Петра I феминитивы с этим суффиксом обозначали жен низкого звания (*слесариха, дворничиха* в значении ‘жена по мужу’), а кроме того, этот суффикс применяется в названиях животных (*зайчиха*).

Что касается слов с суффиксом *-ш(а)* – *касси́рша, кондукторша* и под., то, в соответствии с этико-речевыми нормами, их используют только применительно к лицу, не участвующему в разговоре. Палитра эмотивности таких образований весьма разнообразна – от маркера разговорности, коллоквиальности до яркой пейоративной оценочности. Ср. такую оценочность у феминитива в тексте «Мастера и Маргариты» М.А. Булгакова (*редакторша со скошенными от постоянного вранья глазами*) и обычную коллоквиальность этой формы в следующих примерах:

Я узнала новость от своей **редакторши**. Даже не от своей. Она сидела в одной комнате с Ниной Скуйбиной. Ее звали Неля. Мне позвонила поздно вечером моя **редакторша** и сообщила новость: в Доме кино справляли свадьбу (В.Токарева «И жизнь, и слезы, и любовь»).

Наиболее обычным для таких форм является указание на сниженный регистр речи, создание разговорной «стихии»: *Попутно рассказала, что у **директорши** нашей библиотеки (строгая квадратная женщина) есть малахольная дочка... Адрес и телефон советских **дизайнерш** всегда сообщался из уст в уста, никаких объявлений, боже упаси, и при этом гора заказов (Т. Москвина «Жизнь советской девушки»). ...закатимся в Сандуны. Там сидят в полотенцах чудесные **бухгалтерши** малых предприятий и пьют пиво...Была у меня знакомая, чуть помладше меня, из нашей поликлиники окулист. **Специалисткой** она была средней, а домохозяйка удивительная (Т. Москвина «Она что-то знала»). Люба не поленилась и пошла на прием к директору «Мосфильма». Она поведала ему, что **сценаристка** Виктория Токарева крутится под ногами у Даниели, как шелудивая собака. И нарушает покой семьи (В.Токарева «И жизнь, и слезы, и любовь»).*

Причем необходимость феминитива может диктоваться наличием атрибутов: ***Юная прогрессивная директорша** ресторана («Дайте жалобную книгу») с ее стремлением переформатировать старый советский ресторан с его пыльным плюшем...в современный приют молодежи осталась в шестидесятых годах (Т. Москвина «Жизнь советской девушки»). И не говорите! Я, **питерская врачиха, театралка**, стою с подносом перед Мишей Светлым, чтобы спасти родной консервный завод! (Т. Москвина «Она что-то знала»).*

Однако феминитивы такого типа могут не только формировать сниженный регистр речи, но могут передавать яркую пейоративность:

*Наше неласковое общество не приняло Наташу. И когда они с Михалковым-старшим появлялись вместе, в спину ей несло: «**Парикмахерша**». Когда-то, в самом начале жизни Наташа действительно работала парикмахершей. Но какой... (В.Токарева «Мои мужчины»). Еще летом 1980 года, среди бесперечь толкущегося у Рыжика народа, мелькали две абитуриентки, почему-то решившие, что они будущие «**рэжиссерки**»... (Т. Москвина «Жизнь советской девушки»).*

В последнем случае пейоративность усиливается акцентированием произношения без смягчения согласного перед гласным переднего ряда. Или ср. ироничное звучание фразы, которое создается в том числе и за счет феминитива:

*Теперь-то я понимаю, что **педагогини** по труду и ритмике родились, вероятно, сразу после революции и хлебнули всякого лиха от пуза (Т. Москвина «Жизнь советской девушки»).*

Ср. замечание В.И. Аннушкина о том, что формы типа *ректорка, депутатка, профессорка* негативно определяют профессиональные характеристики называемого лица [Аннушкин, 2021, с. 11].

Конечно, феминитивы могут использоваться исключительно для точности речи, и в таких случаях прагматика у них практически нулевая:

*Существовали портные (чаще **портнихи**), которые имели патент, платили налоги и шили на дому. Вскоре обнаружилось, что в нашем 9 «Б» есть интеллектуалы. То есть, понятное дело, **интеллектуалки** (Т. Москвина «Жизнь советской девушки»).*

Ср. интересную авторскую рефлексию по поводу феминитива, который по сути является единственным обозначением профессии:

*Работа в военно-морском музее <...> внушила мне стойкое, прочное, вечное отвращение к уборке. И сочувствие к уборщицам. Если есть чистые символы энтропии этого мира – то это они. Их работу невозможно СДЕЛАТЬ, ее надо постоянно ДЕЛАТЬ. Тупую, тяжелую, грязную, унылую, беспросветную. Притом, заметьте, это единственная профессия в России, имеющая строго обозначенный пол: требуется всегда **уборЩИЦА**. Только в последнее время появились кое-где уборщики, люди из стран бывшего СССР (Т. Москвина «Жизнь советской девушки»).*

Из вариантных феминитивов только один может закрепляться в роли уничижительного наименования. Ср. *актриса* и *актерка*; последнее фиксируется словарями, во-первых, как устаревшее [Рыжкова, Гришина, 2019] во-вторых – коннотирующее осуждение (в словаре Ефремовой, Гришиной 2000 – *актерка* – ‘плохая, неискusstvenная актриса’). Интересно, что этот архаизм может быть востребован именно в качестве имплицитного пейоратива (ибо *актриса* – это, скорее, мелиоратив или же единица с нулевой прагматикой):

*– В старом фильме играла Чурсина – такого огня дала, такой пожар страстей раздула! **Актерка** Пересильд на фоне великой Чурсиной что светлячок на фоне светила. Ну бледно! – припечатал Юлю критик Лев Рыжков (Экспресс-газета, 2021, № 11).*

Категория рода у антропонимных имен, бесспорно, представляет собой привативную оппозицию с немаркированным мужским родом (который оставляет признак пола невыраженным – *учитель, режиссер, сценарист*) и маркированным женским родом, указывающим на женский пол (*учительница, режиссерка, сценаристка*).

Причины, по которым отправитель речи прибегает к маркированному женскому роду, могут быть самыми разнообразными. Помимо стремления к разговорной интонации (в противовес официозу), феминитивы могут использоваться для выражения негативной оценки – осуждения, пренебрежения, иронии, прямой насмешки. К сожалению, контексты, дающие такие прагматические приращения, не описаны должным образом.

Уже около двух десятилетий обсуждаются проекты лингвоюридических словарей конфликтогенной лексики (прежде всего – инвективной), что позволит объективировать аргументацию при рассмотрении понятия «оскорбление». Предполагается, что на основании частотных реакций инвективы необходимо стратифицировать по классам, которые

должны учитывать степень актуализации оскорбительности. Формируемая такими классами шкала предполагает деинтенсификацию как характеристику инвективы. Такой подход даст возможность более точной квалификации единиц в лингвоюридических и собственно юридических параметрах, которые выделяются также с учетом категории интенсивности (например, от оскорбительного до порочащего). На данную особенность указывал Н.Д. Голев [2005; 2018]. Что касается градаций по степени обидности феминитивов, такой вопрос даже не поставлен. Более того: в свете феминистской критики языка (суть которой в следующем: европейские языки рисуют андрогенную картину мира, и это должно быть исправлено как на лексическом, так и на грамматическом уровнях) именно феминитивы представляются новыми знаками равноправия и справедливости.

Очевидно, что не менее, чем лингвоюридический словарь инвектив, необходимо специализированное лексикографическое описание феминитивов как системных/асистемных родовых коррелятов, которое обеспечивало бы более четкие прагмалингвистические дефиниции таких лексем с учетом их коннотативной, экспрессивной специфики, а также содержалась бы информация относительно уместности феминитивов в различных регистрах речи. Использование «модных» ныне феминитивов несет потенциальную опасность впасть в «коммуникативное просторечие» [Хазагеров, 2019, с. 77] или, вопреки истинным интенциям адресанта, стать источником коммуникативного конфликта в силу оскорбительного звучания тех или иных форм.

Помимо феминитивов, оскорбительным потенциалом обладает форма среднего рода лично-указательного местоимения применительно к людям, что хорошо известно по классической литературе:

В-вся рота идет, к-как один ч-человек – ать! ать! ать! – говорил Слива, плавно подымая и опуская протянутую ладонь, а оно одно, точно на смех – о! о! – як тот козел. <...> Я ему п-прямо сказал б-без церемонии: уходите-ка, п-почтеннейший в друг-гую роту. А лучше бы вам и во-все из п-полка уйти. Какой из вас к черту офицер? Так, м-междометие какое-то... (А.Куприн «Поединок»); И пока жена его стряпает, оно сидит за столом и книгу читает (Д.Хармс «Пашквиль»).

Именно средний род передает семантику пассивности, бесполости и маргинальности, что позволяет форме «оно» выражать пейоративную оценку. Анализ текстов в медиапространстве русской лингвокультуры в ее современном состоянии дает представление «о количественном преобладании употребления «оно» с резко отрицательным эмоциональным наполнением» [Моргунова, 2015, с. 1002]. Значимо, что пейоративностью насыщаются и согласуемые (координируемые) по среднему роду единицы; ср. анализ выражений типа *светило сказало, святейшество сказало* в работах: [Ласкова, 2001, с. 105 – 106; Левонтина, 2016, с. 454].

Таким образом, оскорбительным потенциалом, а значит – конфликтотенгенностью отличаются как минимум три типа номинаций: формы женского рода применительно к мужчинам (*баба*), феминитивы в соот-

ветствующих контекстах и средний род, применяемый для наименований человека.

Грамматическая категория числа

Хорошо известно, что номинативный потенциал семантического содержания грамматической категории числа не исчерпывается противопоставлением единичности и множественности предметов, что числовые формы способны передавать также и разнообразные прагматические смыслы. Многие исследователи выделяют в семантической парадигме множественного числа формы пейоративного [Малашенко, 2003, с. 192 – 197], уничижающего множественного [Хазагеров, 2009, с. 260; Khazagerov, 2018], которые коррелируют с множественным гиперболическим. Эту связь (гиперболы и пейоративности) наиболее точно описал А.Б. Пеньковский, впервые указавший, что там, где видят обычно грамматическую гиперболу, на самом деле имеет место «пейоративное отчуждение». Смысл пейоративного отчуждения состоит в том, что отправитель речи доводит до предела отрицательную оценку объекта и исключает этот объект из своего ценностного мира. Своему миру уникальных в своей конкретности вещей противопоставляется чуждый мир, являющий собой однородное множество (амплифицирующий плюраль); см. [Пеньковский, 1989, с. 57-62]. Такое пейоративное отчуждение нередко имеет место в случаях использования множественного числа антропонимов, т. е. в случаях антономасии или антифразиса.

Онимы в норме не образуют плюральных форм в силу предельной индивидуальности, уникальности лексической семантики, и если такие формы все-таки появляются, то они организуют особые риторические приемы – антономасию и антифразис. Если в случае антономасии и прототип, и ему подобные оцениваются отрицательно (*Ельцины и Чубайсы развалили страну*), то антифразис основан на сопоставлении положительного прототипа с отрицательными типами (*Цицероны* в значении ‘плохие ораторы’). Антономасии, подобные приведенной, стали в высшей степени частотными в медиа:

*И как бы все это ни было все это смешно или грустно, все же нам есть чему поучиться у грузин. Они нашего Познера выгнали за один вечер. А мы своих **познеров** уже много лет никак не изгоним* (Завтра, 2021, № 13). В статье речь идет о визите В. Познера в Грузию в апреле 2021 г., окончившемся изгнанием и штрафом, а также о том, что В. Познер – гражданин США, работающий, однако, на федеральном канале, об антирусских высказываниях Познера и т.п.

Усиление пейоративности осуществляется при использовании строчной буквы (как в приведенном примере), отрицательно коннотирующих атрибутов типа *всякие, разные, прочие, какие-то, всякие там* и под., а также при намеренных искажениях прецедентных онимов:

Но что-то надо делать, потому что какого-то такого одного, вот, как Лев Толстой, который бы так ему сказал бы, к стенке, вот не могу молчать! (Смеётся). Одного такого Толстого сейчас нет, но совокупного

*Льва Толстого можно, наверное, как-то...Слушайте, они себе всё позволяют, всё позволяют, да, вот? И ничего вот, как с гуся. И такие стоят там, в телевизоре, гладенькие. Про них ещё **какие-то Рынски, Грыбски, Жрыбски** там пишут. Что они там сделали, как они пошевелились. И они, конечно, такие ходят все. И мне так хотелось сказать, что, ребята, ну вот стыдно просто. Вот я русская и вы русские, вот ей-богу, кто-то из нас... Что-то нужно ненужное вычеркнуть! И там люди как-то копошатся, что-то строят, делают, детей учат, и с бантиками в школу их ведут (Интервью Т.Москвиной радио «Эхо Москвы» 11 октября 2008 г.). Имеются в виду гламурные авторши типа Оксаны Робски.*

Огромную роль для статусной дифференциации коммуникантов играют числовые формы местоимения 2-го лица. Будучи вовлеченными в этикетную сферу и представление статусных различий, они могут превращаться в конфликтогенный фактор. В современной коммуникации это сильная зона грамматической вариантности: вежливое *вы* под воздействием ряда причин (прежде всего – под влиянием английского языка и интернет-коммуникации) уступает свои позиции и заменяется *ты*. Евсеева [2012, с. 181 – 183] проанализировала особенности выбора формы числа личных местоимений в интернет-коммуникации преимущественно на различных тематических форумах, определив тенденцию прагматически обоснованного коммуникантами уменьшения *вы*-форм, а также их потенциальную конфликтность. Однако отмечается и определение *ты*-форм как единиц, обладающих такими же характеристиками для части коммуникантов.

Интересно, что выбор грамматической формы является тематически детерминированным. Как правило, при обращении к профессионалам в той или иной сфере обосновывается необходимость выбора формы с так называемым *вы*-вежливости. Осознаваемая специфика интернет-коммуникации делает для модераторов необходимым запрос о предпочитаемой пользователем форме обращения.

Обращение на «ты» в публичной коммуникации активно внедряют известные телеведущие, многие медийные персоны (Д. Дибров и др.), и в настоящее время такое обращение стало обычным в бизнес-среде. Форма «ты» никогда не была монолитной по семантике и прагматике. Различались «ты» дружеское, «ты» начальственное, «ты» детское и «ты» хамское. Присутствие в коллективном языковом сознании последнего начальственного «ты» и «ты» хамского пока еще мешает безоговорочному принятию этой формы в публичной коммуникации. Ср.:

Я видел Горбачева и Раису Максимовну во Владивостоке, когда они пришли на выставку достижений Дальнего Востока, и меня поразило, что они всех называли на «ты». Если бы к Горбачеву тоже обращались на «ты», это была бы хорошая партийная традиция, но ему-то говорили – «вы». «Тыкала» и Раиса Максимовна. Это произвело тяжелейшее впечатление, и, не дождавшись финала этого действия, я улетел в Москву (А. Проханов «Только развитие может объединить Россию» // Литературная газета, 2021, № 9. С. 4.). Ср. мысль И. Левонтиной, которая

перечисляет иные возможности использования «ты» (так обращаются к людям, которых знали детьми, либо выбор *ты*-формы в определенной степени определяется социальным статусом говорящего (священники, врачи): «Если же начальник *тыкает* подчиненным, хотя узнал их уже взрослыми, притом никоим образом не ожидая от них ответного панибратства, то это типичное начальственное хамство» [Левонтина, 2016, с. 182]. Конечно, «тыканье» – не тот тип оскорбления, который может быть переведен в область права, однако бесспорно, что это конфликтогенное нарушение этико-лингвистических норм.

Заключение

Масштабная задача, которую должна решить современная лингво-конфликтология, состоит в том, чтобы выявить и исчислить все потенциально конфликтогенные языковые элементы, относящиеся к разным уровням – лексическому, морфологическому, синтаксическому (уровню текста). Одна и та же морфологическая форма может наполняться совершенно различным прагматическим содержанием, поскольку грамматические формы способны аксиологизироваться, приобретать свою содержательную и функциональную специфику в процессе выражения авторских интенций. Конвенциональные значения морфологических форм и допустимые пределы их варьирования модифицируются в зависимости от условий коммуникации и широкого контекста ситуации. Так, плюрализация антропного онима, сингулярного по своей знаковой природе, стабильно ведет к приобретению такой формой оскорбительного звучания и потенциальной конфликтогенности. Среди разнообразных функций современных феминитивов достаточно частотной оказывается пейоративная оценка. Местоимение «ты» в известных условиях превращается в мощный конфликтоген. Очертить круг коннотаций, связанных с возможностью грамматических форм выступать фактором конфликтной коммуникации, – задача вполне выполнимая, что было показано на примере морфологических категорий рода и числа.

Литература

- Аннушкин В.И. (2021) Каков язык, таково и общество // «Культура», 25 февраля. С. 10 – 11.
- Балясникова О.В., Уфимцева Н.В. (2020) «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестн. ВолГУ. Серия 2. Языкознание, Т. 19, № 1. С. 28 – 40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>
- Баранов А.Н., Ерохина Л.А. (2019) Оскорбление и унижение как языковые и правовые феномены // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Междунар. конгр. исследователей русского языка. (Москва, филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 20 – 23 марта 2019 г.): тр. и материалы. М.: Изд-во Московского ун-та. С. 309 – 311.
- Голев Н.Д., Головачева О.В. (2005) Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка // Юрислингвистика-6: межвуз. сб. статей. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та. С. 123 – 151.
- Голев Н.Д. (2018). Исследование обыденного метаязыкового сознания в современной российской лингвистике // НДВШ. Филол. науки. № 2. С. 27 – 32.

- Гузаерова Р., Косова В. (2017) Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. Philology and culture, № 4 (50). С. 11 – 15.
- Ефремова Т.Ф. (2000). Новый словарь русского языка. Толково-образовательный словарь: в 2 т. М.: Рус. яз. 1209 с.
- Зими́на Е.А., Мюллер Ю.Э. (2021) Оценочный потенциал антономазии в языке современной немецкоязычной прессы // Филол. науки в МГИМО. № 7. С. 27 – 36.
- Кара-Мурза Е.С. (2020) Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестн. ВолГУ. Серия 2. Языкознание, Т. 19, № 1. С. 18 – 27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.2>
- Колесников Н.П. (2002) Толковый словарь названий женщин. Более 7000 единиц. М.: Астрель АСТ, 607 с.
- Кочергина К.С. (2015). Принципы составления юрислингвистического словаря оценочной лексики // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та. С. 108 – 118.
- Ласкова М.В. (2001) Грамматическая категория рода в аспекте гендерной лингвистики: монография. Ростов н/Д.: Рост. гос. экон. ун-т, 2001. 192 с.
- Левонтина И. (2016) О чем речь. М.: Изд-во АСТ: CORPUS. 512 с.
- Левонтина И.Б. (2020) Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания. № 3. С. 52 – 77.
- Малашенко М.В. (2003) Имя в парадигмах лингвопрагматики. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та. 312 с.
- Моргунова А.Н. (2015) Прием актуализации семантики среднего рода в омокомплексе «оно» // Вестн. Башкирского ун-та. № 3. С. 1002 – 1005.
- Пеньковский А.Б. (1989) О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. М.: Наука. С. 57 – 62.
- Рыжкова Л.В., Гришина Е.Н. (2019) Словарь редких слов и архаизмов русского языка. СПб: ООО «Виктория плюс». 632 с.
- Сепир Э. (1993) Язык // Сэпир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии, М.: Прогресс. С. 26 – 203.
- Хазагеров Г.Г. (2019) Культура речи как ценность и речевая культура как данность. Экологический подход // Вестн. ХГУ им. Н.Ф. Катанова. № 30. С. 76 – 84.
- Хазагеров Г.Г. (2009) Риторический словарь. М.: Флинта: Наука. 432 с.
- Хроменков П.Н. (2016) Лингвопрагматика конфликта: исследование методом количественного контент-анализа: дис. ... д-ра. филол. наук. М., 405 с.
- Akay O.M., Kulikova E.G., Belayeva I.V. (2020) The embodiment of the political correctness ideas in the modern media space (based on femininitives) // Media Education. № 4. P. 563 – 569. DOI:10.13187/me.2020.4563
- Alba-Juez, L., Larina, T. (2018) Language and Emotions: Discourse Pragmatic Perspectives // Russian Journal of Linguistics. Vol. 22 (1). P. 9 – 37. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37
- Khazagerov G.G. (2018) Rhetoric, Grammar, Discourse, Homeostasis // Russian Journal of Linguistics. Vol. 22 (2). P. 357 – 372. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372
- Kulikova, E.G. Kuznetsova A.V., Kolesnikov Yu.A. (2018) The Public Media Space and Destructive Communication of the “language of enmity”: Law, Cognitive

and Communicative-pragmatic Mechanisms // *Media Education*. № 4. P. 69 – 83.
DOI: 10.13187/me.2018.4.69

References

Akay O.M., Kulikova E.G., Belayeva I.V. (2020). The embodiment of the political correctness ideas in the modern media space (based on feminitives). *Media Education*, vol. 4, pp. 563-569. DOI:10.13187/me.2020.4.563

Alba-Juez, L., Larina, T. (2018) Language and Emotions: Discourse Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22 (1), pp. 9-37. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37

Annushkin V.I. (2021) The language is so as the society is. “Culture” from February, 25, 2021. pp. 10-11. (In Russian).

Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V. (2020) “Conflictogenic zones” of language consciousness in intercultural interaction. *Vestnik VolGU. Series 2, Linguistics*, vol. 19, no. 1, pp. 28-40. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2020.1.3> (In Russian).

Baranov A.N., Erokhina L.A. (2019) Insult and humiliation as linguistic and legal phenomena. *Russian language: historical destinies and modernity. VI International Congress of Russian Language Researchers. (Moscow, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, March 20-23, 2019). Proceedings and Materials*. Moscow: Moscow University, pp. 309-311. (In Russian).

Efremova T.F. (2000) *New dictionary of the Russian language. Explanatory and educational dictionary in 2 vol.* Moscow: Rus. lang., 1209 p. (In Russian).

Golev N.D., Golovacheva O.V. (2005) Jurislinguistic dictionary of invective vocabulary of the Russian language. *Jurislinguistics-6: Interuniversity collection of articles*. Barnaul: Altai State University, pp. 123-151. (In Russian).

Golev N.D. (2018) Research of everyday metalanguage consciousness in modern Russian linguistics. *Philological Sciences. Scientific reports of the Higher School*, no. 2, pp. 27-32. (In Russian).

Guzairova R., Kosova V. (2017) Specificity of feminitives in the modern Russian media space. *Philology and Culture*, no. 4 (50), pp. 11-15. (In Russian).

Kara-Murza E. S. (2020) Linguoconflictology and conflicts in Russian media space (analysis of a double case). *Bulletin VolSU. Series 2, Linguistics*, vol. 19, no. 1, pp. 18-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2020.1.2> (In Russian).

Khazagerov G.G. (2009) *Rhetorical dictionary*. Moscow: Flinta: Nauka, 432 p. (In Russian).

Khazagerov, G.G. (2018) Rhetoric, Grammar, Discourse, Homeostasis. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22 (2), pp. 357-372. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372 (In Russian).

Khazagerov G.G. (2019). Speech culture as a value and speech culture as a given. Ecological approach. *Bulletin of KharkovSU named after N.F. Katanov*, no. 30, pp. 76-84. (In Russian).

Khromenkov P.N. (2016). *Linguopragmatics of conflict: a study by quantitative content analysis*. Unpublished master thesis. PhD in Philology. Moscow, 405 p. (In Russian).

Kulikova, E.G. Kuznetsova A.V., Kolesnikov Yu.A. (2018) The Public Media Space and Destructive Communication of the “language of enmity”: Law, Cognitive and Communicative-pragmatic Mechanisms. *Media Education*, no. 4, pp. 69-83. DOI: 10.13187/me.2018.4.69

Kolesnikov N.P. (2002) *Explanatory dictionary of women’s names. More than 7000 units*. Moscow, Astrel AST, 607 p. (In Russian).

Kochergina K.S. (2015) Principles of compiling a legal-linguistic dictionary of connotative lexis. *Actual problems of linguistics and literary studies*. Tomsk: Tomsk State University, pp. 108-118. (In Russian).

Laskova M.V. (2001) *Grammatical category of gender in the aspect of gender linguistics*. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics, 2001. 192 p. (In Russian).

Levontina I. (2016) *What is it about?* Moscow: AST Publishing House: CORPUS, 512 p. (In Russian).

Levontina I.B. (2020) About the arsenal of xenoinicators in Russian. *Topics in the study of language*, no. 3, pp. 52-77. (In Russian).

Malashchenko M.V. (2003) The noun in the paradigms of linguopragmatics. Rostov-on-Don: Publishing house of the Rostov State University, 312 p. (In Russian).

Morgunova A.N. (2015) Reception of actualization of neuter gender semantics in the ono homocomplex. *Bulletin of Bashkir University*, no. 3, pp. 1002-1005. (In Russian).

Penkovsky A.B. (1989) On the semantic category of "alienness" in the Russian language. *Problems of Structural Linguistics 1985-1987*. Moscow: Nauka, pp. 57-62. (In Russian).

Ryzhkova L.V., Grishina E.N. (2019) *Dictionary of rare words and archaisms of the Russian language*. St. Petersburg: LLC "Victoria plus", 632 p. (In Russian).

Sepir E. (1993) Language. *Sapir E. Selected works on linguistics and cultural studies*. Moscow, "Progress", pp. 26-203. (In Russian).

Zimina E.A., Muller Yu.E. (2021). Evaluative potential of antonomasia in the language of the modern German-language press. *Philological Sciences in MGIMO*, no. 7, pp. 27-36. (In Russian).

Lyudmila A. Brusenskaya (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Grammatical Parameters of Conflictogenicity: Morphological Categories of Gender and Number

The article is written at the intersection of two quite different research paradigms – expressive grammar and linguoconflictology. The communicative conflict is produced not only by known conflictogens such as invectives and obscenisms, but also by less vivid and specific means, including grammatical forms different in normativity degree. It is extremely important for the public communication harmonization to develop a methodological construct for measuring verbal conflicts and methods for predictive modeling of the cognitive structures of conflict communication. In this connection, it is important to analyze specific lexicon and grammar units able to become a source of communicative conflict.

To outline the range of connotations connection with the possibility of grammatical forms to act as a factor of conflict communication is quite feasible, shown by the example of the morphological categories of gender and number. The terms "conflict-containing", "conflict-causing", applied to lexical units, can be extended to separate grammatical forms.

Localization of attention on components of non-central zone in the totality of linguistic conflict markers introduces new materials and synthesis to the communicative conflict theory, expands the system of knowledge in the field of linguoconflictology. The same morphological form can be filled

with completely different pragmatic content, since grammatical forms can be axiologized, get their own content and functional specifics in the process of expressing the author's intentions. The conventional values of morphological forms and the permissible limits of their variation are modified according to the conditions of communication and the broad context of the situation.

Key words: *conflict communication, interpretation of linguistic units, morphological forms, category of grammatical gender, category of number.*

Сведения об авторе / Information about the author

Брусенская Людмила Александровна, ORCID ID: 0000-0003-3044-7033, – докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, факультета лингвистики и журналистики, Ростовский государственный экономический университет, Ростов-на-Дону, Россия. Тел.: +7-961-423-38-98; e-mail: brusenskaya_l@mail.ru

Lyudmila A. Brusenskaya, ORCID ID: 0000-0003-3044-7033, grand Ph.D. in Philology, Professor of the Russian Language and Speech Culture Chair, Faculty of Linguistics and Journalism, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation. Phone: +7-961-423-38-98; e-mail: brusenskaya_l@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 27.05.2021, принята к публикации 17.06.2021.
The article was submitted 27.05.2021, accepted for publication 17.06.2021.*